

Подлинность

— Но разве здесь не все зеленое?

Фрэнк Баум, «Удивительный волшебник из страны Оз»

Эндрю Ён работает на кафедре компьютерных наук Стэнфордского университета. Он год за годом читает лекции перед аудиторией, в которой сидят около четырехсот самых умных студентов. В 2008 году запущенный им видеопроjekt — Stanford Engineering Everywhere («Стэнфордское техническое образование для всех») — позволил ему читать лекции в сети. Для этого Ён просто ставил камеру в аудитории, а потом выкладывал в сеть запись лекции (обычно именно так в сеть попадают скучнейшие пиратские копии). Однако масса откликов, поступивших в адрес его чата, заставила Эндрю задуматься. Есть великое множество людей, которые в силу определенных обстоятельств или из-за недостатка средств не могут себе позволить учиться в Стэнфордском университете, хотя и жаждут этого. Как можно удовлетворить их стремление к знаниям? Способен ли интернет, как и другие передовые средства коммуникации, позволить нам (заставить нас) перераспределить монополию на знание? Разве не любая информация должна быть свободной и общедоступной?

В течение нескольких лет Ён в свободное от работы время разработал основы технологии, воплощенной сегодня в «массовых

открытых онлайн-курсах» (massive open online courses) — MOOC. Ына занимал единственный вопрос: как создать курс, пригодный для обучения любого количества студентов? Ответ появился в форме вопросников для самооценки, дискуссионных форумов, более динамичного стиля чтения лекций и неожиданного предложения оценивать знания студентов другим студентам. Это, по мнению Ына, не менее эффективно, чем мнение преподавателя или профессора (если каждый студент оценит знания пяти других, а его, в свою очередь, оценят пять других студентов). Летом 2011 года он объявил о начале курса, и на него сразу же записались сто тысяч человек. Эндрю тут же подсчитал, что ему потребовалось бы двести пятьдесят лет, чтобы прочитать в Стэнфордской аудитории лекции для такого числа студентов.

[109]

Началась революция MOOC. 18 апреля 2012 года Ын (вместе с Дафной Коллер) объявил о начале работы обучающей платформы coursea.org. Предположение Эндрю, что в мире существует огромная тяга к высшему образованию, блестяще оправдалось. На сайте Coursera обучаются пять миллионов студентов, посещающих 532 курса в 107 учебных заведениях, включая Принстонский и Йельский университеты.

У MOOC много очевидных преимуществ. Онлайн-версии лекций подвергаются беспощадному сокращению, таким образом, из часовой лекции удастся составить пятиминутную выжимку, суть. Вместо того чтобы показывать профессора, рассказывающего перед доской, Ын накладывает речь на показ графиков и написанных от руки ключевых пунктов. «Остается только значимое содержание лекции, — говорит он. — Мы используем редактирование видеоматериалов, чтобы вырезать скучные куски. Некоторые вещи, например то, как профессор что-то долго пишет на доске, совершенно незачем смотреть».

Кроме того, есть данные. Великое множество данных. Coursera не только обучает студентов, но и учится у них. Каждое нажатие клавиши, каждый клик мыши регистрируется в стремительно растущей базе данных сайта. Студент останавливает видеозапись — Coursera немедленно это отмечает. На сайте также фиксируются моменты, когда студенту требуется больше времени, чем обычно, для ответа на вопрос. Coursera знает, когда студент

[110]

пропускает видео, какие вопросы одни студенты задают другим и в какое время дня они читают ответ. Приблизительно через год после начала деятельности сайта Ын сказал мне: «Coursera набрала больше данных, важных для системы образования, чем все его учреждения за пять тысяч лет существования самого образования».

Для чего нужны эти данные? Рассмотрим один случай. Ын составил задание по программированию, и тысячи студентов дали неправильный ответ. Но Ына поразило не это, а то, что Coursera смогла просканировать информацию и выявить одну и ту же ошибку у двух тысяч студентов. «Благодаря этому я смог создать исправляющую подсказку, которая всплывает всякий раз, когда студент делает распространенную ошибку. В обычной аудитории из ста студентов такую закономерность обнаружить невозможно. А чтобы добиться необходимого для нас уровня персонафикации, потребовалась аудитория в сто тысяч студентов». (Я полностью согласен с этим пунктом, хотя думаю, что мы с Ыном по-разному понимаем слово «персонафикация».) Вся надежда на то, что анализ большой массы данных позволит Coursera и другим провайдерам МООК создать программу персонафицированного обучения тем же способом, каким Netflix, Google и Amazon персонафицировали просмотр фильмов, поиск и приобретение товаров. Представьте себе: вы ведете группу по специальности «Литература двадцатого века» и объявляете, что принимаете ценные советы, которые «такие же студенты, как вы» находят полезными. Процесс интеллектуального поиска, весьма хаотичный и непредсказуемый, получает возможность в первую очередь находить наиболее ценный материал. «До сих пор, — сказал мне Ын, — педагогика была бессистемной наукой, а теперь мы сможем сделать ее управляемой точными данными». Естественно, я сразу вспомнил Картика Динакара, который мечтал сделать более «жесткими» такие расплывчатые науки, как психология и психиатрия, пользуясь для этого массивом данных, полученных при помощи краудсорсинга.

Краудсорсинг обучения Ын пояснил мне на примере лекций по технологии «Вики». «В Стэнфорде, — пояснил он мне, — я читал лекции в течение десяти лет. Написание конспектов отнимало массу времени, но все равно каждый год студенты обнаруживали

у меня массу погрешностей и ошибок. Для онлайн-аудитории я выкладываю “Вики”-тексты и предлагаю обучающимся делать свои пометки и исправления. Студенты читают лекции и редактируют их. Если у вас сто тысяч студентов, которые читают и правят один и тот же текст, результатом будет его более высокое качество. Все ошибки устраняются очень быстро». Я спросил, нельзя ли приложить этот принцип обучения инженерным дисциплинам к таким специальностям, как история искусств или литература. Бэн ненадолго задумался и ответил: «Я не вижу никаких помех».

[111]

Тем не менее МООК и обусловленная им дематериализация учебного процесса вызывает кризис подлинности обучения. По данным Pew Research Center*, многие люди уверены, будто к 2020 году заработает массовая система «дистанционного обучения» и залитые весенним солнцем кампусы, совместные посиделки за кофе и отдых на лужайках отойдут в прошлое. То есть исчезнет все то, что студенты, учившиеся в эпоху до появления интернета, считали неотъемлемой частью своей жизни.

Есть и более конкретные претензии. Например, оценки выпускников. Другой крестный отец МООК, стэнфордский профессор Себастьян Трун, был одно время увлечен идеей дать образование на уровне Лиги плюща** всем страждущим. Но позднее в интервью журналу *Fast Company* он заявил, что только десять процентов его студентов по линии МООК завершили курс. Профессор был сильно разочарован системой, которую сам помогал создавать: «Мы не даем людям того образования, о котором мечтали многие, в том числе и я, — сказал он. — У нас получился никуда не годный продукт». Подписав почти два миллиона студентов на свои онлайн-курсы, Трун пришел в отчаяние от плачевных результатов. Только половина тех, кто дошел до конца обучения, обладала удовлетворительным знанием материала.

* Американский центр социологических исследований. *Прим. ред.*

** Лига плюща — ассоциация восьми частных американских университетов (Брауновского, Гарвардского, Йельского, Корнелльского, Пенсильванского, Принстонского, Колумбийского и Дартмутского колледжа), расположенных в семи штатах на северо-востоке США. Название происходит от побегов плюща, обвивающих старые здания в этих университетах. Считается, что члены лиги отличаются высоким качеством образования. *Прим. ред.*

[112]

Ын тем не менее сохраняет оптимизм. «Думаю, что очень многое можно и нужно преподавать в режиме онлайн, — сказал он мне. — Экономически, конечно, такая форма обучения выгодна, но я не вижу возможности воспроизвести бесценный опыт наставничества и работы в малых группах. Теперь я хочу заняться автоматизацией таких рутинных вещей, как отчеты и чтение лекций, что позволит профессорам освободить время для живого общения со студентами. Роль традиционного университета надо переосмыслить». Между тем появилось некоммерческое предприятие edX, объявившее в 2013 году о создании программы искусственного интеллекта, которая сможет мгновенно оценивать результаты экзаменов и письменных работ, что избавит преподавателей от необходимости самим проверять их.

Сам Ын часто сравнивает цифровую революцию с подвигом Гутенберга, а это значит, что он верит в неизбежное наступление эры компьютерного просвещения. «Думаю, когда-нибудь нам удастся изменить мир, — убежден он. — Если ребенок из бедной семьи в развивающейся стране пройдет несколько курсов по компьютерным знаниям, к которым прежде он не имел доступа, а затем сможет получить приличную работу, то одним этим мы уже изменим мир». Кто же будет возражать против такого просвещения? Стоит, однако, заметить, что большинство студентов Coursera отнюдь не из развивающихся стран. В настоящее время африканцы составляют 3,6 процента студентов, треть учащихся — из Северной Америки и еще треть — из Европы.

Нил Постман, один из самых активных критиков новых технологий, заявил в журнале *Technopoly*, что «школа явилась изобретением печатного станка, и устоит она или падет, зависит от того, сохранится ли важность печатного слова». Если рассматривать ситуацию с такой точки зрения, то Coursera и подобные системы — это своего рода проявление необходимости, символ неизбежной перестройки образования, связанной с изменениями в средствах коммуникации. «В течение четырехсот лет школьные учителя были частью монополии на знание, созданной книгопечатанием, — продолжает Постман, — а теперь они становятся свидетелями падения этой монополии». Во времена

Тамуса (см. главу 2) письменное слово не считалось символом подлинного знания, а затем оно стало единственной формой его истинности. Может быть, мы сейчас переживаем такой же период мучительной переоценки ценностей?

[113]

Монополия на новое знание может показаться абстракцией, если рассматривать ее в исторической перспективе. Прогресс в картографии, например, снабдил людей картами, то есть рисунки заменили живое впечатление от ландшафтов. Механические часы разделили лениво текшее «естественное время» на строго отмеренные части, поэтому звон колокола ближайшей церкви стал влиять на повседневную деятельность больше, чем биологические ритмы организма*. Возможно, мир, становясь все больше и производительнее, одновременно превращается в обедненную копию мира прежнего, так как отвергает непосредственный опыт, а следовательно, и концепцию реальности, которая имела собственную ценность. Мы видим больше, но наше зрение затуманено, мы чувствуем больше предметов, но наши ощущения притупились. Маршалл Маклюэн считает, что всякий раз, когда мы при помощи технологии усиливаем наше природное восприятие чувственного опыта, мы одновременно отдаляемся от него. (Одна моя знакомая видела самолеты, врезавшиеся во Всемирный торговый центр, по телевизору, находясь у себя дома на другом конце континента, и подумала, что это кино.)

* * *

На наши глаза надеты своего рода очки. Мы прекрасно это чувствуем. Мы расширили свои знания о мире, нам стали доступны люди и места, недостижимые прежде. Но вещи, которые мы приобрели, утратили при этом свою подлинность. Со мной это случается постоянно. Свадьба моего брата проходила во дворе дома наших родителей, собралось больше ста гостей, они расположились под гирляндами из светящихся бумажных фонариков, натянутых

* В 1370 году король Карл V повелел гражданам Парижа сверять свою деятельность со звонком первых во Франции общественных часов, установленных на фасаде королевского дворца (сейчас на этом месте находится бывшая тюрьма Консьержери).

[114]

между деревьями. Я на время покинул праздник, чтобы позвонить по телефону и прочитать сообщения, и тут с удивлением обнаружил, что мой друг выслал мне на телефон фотографии с этого самого праздника.

Самая очевидная причина отказа от подлинности — это, конечно, возможность получить доступ к улучшенной версии скучной и тусклой реальности. Почувствуйте прелесть «очков “Тугла”»*, выпущенных в 2013 году, которые обещают нам именно это — *улучшенную реальность*. Этот портативный компьютер представляет собой шлем (весьма нелепый и отчасти футуристический), на котором установлена миниатюрная видеокамера и экран. Управляется устройство при помощи голосовых команд. Можно приказывать ему сфотографировать то, что мы в данный момент видим, или просмотреть в архиве Google старые фотографии Халка Хогана**, чтобы иметь возможность сравнить его прическу с прической парня, сидящего рядом в вагоне метро. Сайт компании приветливо улыбается: «Приглашаем в мир за стеклами очков». То есть приглашаем в улучшенный (читай, неподлинный) мир.

Все вы помните, что Изумрудный город в «Волшебнике Оз» на самом деле вовсе не был изумрудным. Да, в голливудской версии Джуди Гарленд и ее компания бродят по сверкающему роскошному городу. Однако в книге Фрэнка Баума и Дороти, и ее друзей уговаривают перед заходом в город надеть «защитные очки», чтобы не ослепнуть от невероятного блеска. Только много позже они узнают, что именно зеленые стекла очков придают всему окружающему сказочный вид. Изумрудный город (так же как и волшебник за кулисами) — это обман. «Но разве здесь не все зеленое?» — спрашивает Дороти. «Не более чем во всех других городах, — отвечает Оз. — Но местные жители так долго носили

* Оригинальное название — Google Glass. Гарнитура для смартфонов (или нателный компьютер) на базе Android, разрабатываемая компанией Google. В устройстве используется прозрачный дисплей, который крепится на голову и находится чуть выше правого глаза, и камера, способная записывать видео высокого качества. *Прим. ред.*

** Халк Хоган (настоящее имя Терри Боллеа) — американский рестлер (участник профессионального рестлинга — вида постановочного действия, сочетающего атлетические навыки, боевые искусства и театральное мастерство), актер и шоумен. *Прим. ред.*

зеленые очки, что большинство думают, будто это и в самом деле Изумрудный город».

Когда мы надеваем зеленые очки, чтобы приукрасить реальность, мы всегда попадаем под влияние авторитетной власти и лишаемся части собственного зрения.

[115]

Время, которое мы проводим за экраном, наше увлечение цифровым миром могут стать катастрофическими для понимания подлинности, да и как иначе? Парадокс: нас не покидает желание иметь в руках весь мир, но оно же удерживает нас на расстоянии вытянутой руки от реальности. Coursera.org доставляет лучших преподавателей мира к вам на дом, но одновременно превращает процесс обучения в экранный интерфейс. Мобильный телефон в руках ребенка позволяет быть все время на связи с подружками, но формирует у него уверенность, будто обмен текстовыми сообщениями — это и есть задушевное общение.

Когда в 1936 году Уолтер Бенджамин размышлял о появлении механического воспроизведения, он удивлялся сверхъестественным изменениям, при которых «собор покидает свое место и появляется в кабинете любителя искусств», «хорал, который должен потрясать слушателей в соборе или на улице, можно послушать в комнате». Побывав в кинотеатре, где, всем на удивление, образы заговорили, Бенджамин пришел к выводу, что в кинематографе созерцание красоты превратилось в легкодоступное переживание, а сама красота лишилась «ауры», «подлинности». Бенджамин писал: «Подлинность вещи — это квинтэссенция всего в ее сотворении, что может быть передано потомкам — от физической долговечности до исторических свидетельств, которые она в себе заключает». Что за странная озабоченность какими-то историческими свидетельствами, можем мы подумать. Действительно, весьма старомодно думать, будто человек (или вещь) становится душевно богаче, если был в какой-то единственный и неповторимый момент в каком-то единственном и неповторимом месте. Бенджамин даже беспокоился за актеров, которых он видел на экране, полагая, что «впервые... человек поставлен в положение, когда, представляя действие во всей своей цельности, он лишается своей ауры. Аура присутствует с нами здесь и сейчас, у нее не бывает копий». Эта

[116]

тревога почти уничтожена YouTube и ему подобными сайтами, мы отучились заботиться о подлинности вещей, когда цифровые копии дают нам безжизненное, лишенное ауры представление о контенте. Такое старомодное попечительство о подлинности, «ауре» требует уединенных размышлений, а этого нам очень недостает. Вывод такой: без возможности побыть наедине с собой мы рискуем настолько поглупеть, что поверим, будто вещи (письмо от любимой, живое исполнение песни, человеческое лицо) значат меньше, чем цифровые образы. De Beers* накапливает и прячет свои алмазы, чтобы создать их дефицит, увеличивая тем самым эксклюзивность. Возможно, настало время искусственно создавать дефицит общения, взаимодействий, отношений и вещей, которые мы потребляем. В противном случае вся наша жизнь рискует пройти, образно говоря, под треск морзянки, заглушающей невыносимым стрекотом истинные ценности.

* * *

Я часто чувствую себя так, словно подлинность начинает быть неустойчивой. В зависимости от того, с человеком какого возраста я разговариваю, мое ощущение подлинности и реальности сильно колеблется. Мое собственное представление о подлинности хлопает в болоте заурядной середины. Возможно, это означает, что я сам в меньшей степени настоящий, чем родившиеся раньше или позже меня. Я оспариваю обе аутентичности. Для меня и моих сверстников все, что происходит вокруг, — это путаница, какой-то двусмысленный туман, хотя мы нечасто признаемся в этом. Мы ищем объяснение наших недомоганий на сайте клиники Майо, но лечимся средствами народной медицины. Мы отказываемся подчиняться церковным заповедям, но нас не покидает стремление к духовности и мы читаем Экхарта Толле**. Большую

* Международная корпорация, которая занимается добычей, обработкой и продажей природных алмазов, а также производством синтетических алмазов для промышленных целей. *Прим. ред.*

** Экхарт Толле — писатель и философ немецкого происхождения. Живет в Ванкувере (Канада). Один из современных западных духовных учителей. Автор бестселлеров «Сила настоящего» (М. : София, 2011) и «Новая земля. Пробуждение к своей жизненной цели» (М. : Рипол Классик, 2009). *Прим. ред.*

часть года мы рабски служим нашим мобильным телефонам, а потом летим в пустыню и там предаемся необузданному разгулу на фестивале «Горящий человек»*. Один мой друг, особенно пристрастившийся к телефону, раз в месяц ходит в передвижную сауну, оборудованную в кузове грузовика. Он раздевается донага и сидит несколько часов в жаре вместе с несколькими такими же мужчинами и женщинами. Они беседуют о смысле жизни, а потом он снова одевается, берется за свой телефон, то есть возвращается к привычной цифровой жизни. Я же нахожусь в том состоянии, когда не могу назвать одно переживание подлинным, а другое неподлинным. Мы учимся воспринимать оба мира как реальные, понимать истоки и ауру вещей, которые таинственным образом падают на нас с неба.

[117]

Главный пример — это проект «Google Книги». В ходе его выполнения оцифрованы десять миллионов книг, чтобы демократизировать человеческое знание в невиданных доселе масштабах. Новая технология нуждается (на короткое время) в старой для извлечения содержания, старая же нуждается в новой (всегда), чтобы ее смогли увидеть миллионы. Разрешение современных экранов и принтеров вполне достаточно, чтобы цифровые копии удовлетворили ученых, которым отныне не придется рассматривать древние манускрипты (если, конечно, они не жаждут поделиться незабываемыми впечатлениями). Латинский оригинал работы «О вращении небесных сфер»** Николая Коперника хранится в Ягеллонском университете в Кракове, но он, как и оригинал Вергилия IV века или версия сочинений Евклида XII века, может быть легко доставлен вам домой по цене авиаперевозки. Это

* Ежегодное событие, происходящее в США в пустыне Блэк-Рок. Оно длится восемь дней (начинается в последний понедельник августа в ноль часов одну минуту. Последний день приходится на День труда, отмечаемый в США в первый понедельник сентября). Кульминация происходит в субботу после заката, когда сжигают огромную деревянную статую человека. Сами организаторы определяют событие как эксперимент по созданию сообщества радикального самовыражения, при этом полностью полагающегося только на себя. *Прим. ред.*

** «О вращении (вращениях) небесных сфер» (лат. De revolutionibus orbium coelestium) — основной труд астронома XVI века Николая Коперника, опубликованный в 1543 году в Нюрнберге. В этой книге впервые в христианской Европе была предложена гелиоцентрическая модель мира, по которой Солнце является центром Вселенной, а планеты движутся вокруг него. *Прим. ред.*

[118]

вызывает душевный трепет: мы получаем возможность посмотреть, как выглядел разворот журнала Popular Science в 1920-е годы или взять в руки экземпляр «Декамерона» Боккаччо в том виде, в каком он был издан в XIX веке. Священная неприкосновенность старых манускриптов бледнеет перед такой доступностью. Литературный критик Штефан Фюссель говорил: это означает, что «драгоценная старая книга и новые средства вступили в бесценный симбиоз». Я бы добавил: пока.

Наша подлинность со временем уступит место новой подлинности. Но сначала сохранится положение неустойчивого равновесия, чувство двух наложенных друг на друга подлинностей, своего рода сделка между ними.

Когда Гутенберг печатал свою Библию, он старался бережно относиться к требованию подлинности у своих читателей, сделав печатную книгу лишь версией более ранних рукописных копий. В книге The Gutenberg Revolution Джон Мэн описывает титанический труд, приложенный для того, чтобы создать превосходную суперверсию рукописной Библии, а не что-то принципиально новое. Подлинность, или укоренившаяся идея подлинности, — вот что было ключевым в создании новой Библии. Три гравера работали четыре месяца, чтобы сделать печатные формы, которые должны были воспроизвести все особенности рукописного текста. (В этой Библии, содержащей 1282 страницы, есть даже знаки ударений, которыми писцы пользовались для обозначения кратких форм слов.) Несмотря на то что в то время бумага уже была доступна (и основной тираж Библии был напечатан на бумаге), Гутенберг заказал пять тысяч телячьих шкур, чтобы напечатать около тридцати «аутентичных» экземпляров на тонком пергаменте. Библия Гутенберга — этот полиграфический шедевр на все времена — претендовала на то, чтобы быть образцом традиционной подлинности, хотя именно она стала первой ласточкой новой аутентичности, которая постепенно начала вытеснять старую. Но сначала наступил чарующий момент зыбкого равновесия. В конце XV века рукописная и печатная культуры мирно сосуществовали, печатные книги копировали от руки, а рукописи печатались. Старое, «подлинное» произведение и новое, «поддельное» какое-то время оказывали влияние друг на друга.

Когда мы отходим от прежних, «подлинных» отношений, мы, естественно, фетишизируем прошлое. Шерри Теркл утверждает: электронные имитации настолько нас околдовали, что сама идея подлинности стала теперь тем же, чем был секс для Викторианской эпохи, — угрозой и одержимостью, запретом и очарованием. (Можно представить себе, как граждане будущего тайком собираются ночами в каком-нибудь подвале, чтобы просто прикоснуться друг к другу.) Проходя по фешенебельным кварталам Лондона или Монреалья, я вижу магазины, товарами которых буквально одержимы состоятельные молодые люди. Точнее, они, как бы по иронии, одержимы «подлинностью», ожившими старинными вещами, выставленными на продажу в этих магазинах. Товар разлетается как горячие пирожки. Молодые мужчины покупают «старинные» баночки с мазью для усов, а молодые дамы — платья в стиле пятидесятых годов XX века. В барах одним из наиболее популярных считается «старинный» коктейль, а хипстеры устремляются в отели сети Асе, где пользователи айфонов получают доступ к старым граммафонам и кабинкам, в которых фотографируют в стиле «сейчас вылетит птичка».

Восторг перед старой жестяной коробкой или антикварной бейсболкой остается, конечно, исключением, которое лишь подтверждает правило. Тенденция отказа от подлинности все активнее определяет направление хода нашей жизни. Когда мы не восторгаемся имитациями? Миллионы предаются фантазиям в отношении собственного тела, выставляя в виртуальном мире «второй жизни» (в первой жизни наши тела порядком поизносились от долгого сидения на удобных компьютерных стульях) аватары стройных благополучных людей. Некоторые доходят до того, что на видеостримингах типа twitch.tv за деньги наблюдают трансляции прохождения игр другими пользователями (сотни тысяч людей следят за поведением отдельных персонажей компьютерной игры Grand Theft Auto и перечисляют вознаграждения своим любимым игрокам*). Между тем в Японии котик-робот

* Это меня сначала шокировало, но потом я подумал, что в таком поведении нет ничего особенного — ведь платят же люди за присутствие на хоккейных матчах профессиональной лиги.

[120]

Паро утешает одиноких обитателей домов престарелых. А сайт [instagram.com](https://www.instagram.com), не утруждаясь более изображением действительности, начал тонировать сепией свои фото- и видеоматериалы. И еще одно напоследок: прогресс в сфере теледильдоники* сулит нам виртуальный секс со всеми нужными ощущениями даже в отсутствие реального партнера. Получается, что надежность и безопасность нашей виртуальной жизни намного выше, чем реальной. Цифровая жизнь — это место, где мы можем создать желаемую (пусть и не очень подлинную) версию самих себя.

Кроме того, цифровая жизнь — это превосходное средство уклонения от значимых целей. Психолог Джеффри Миллер, размышляя о том, почему мы до сих пор не обнаружили разумных инопланетян, решил, что они, вероятно, все впали в зависимость от видеоигр. То есть ими овладела апатия — некая противоположность поведению героев «Звездного пути», которые «только тем и занимаются, что ищут новые виды жизни и цивилизации». Эти инопланетяне просто «забывают отправлять в пространство радиосигналы и колонизировать другие планеты» — пишет Миллер в журнале *Seed*.

Они слишком заняты безудержным потреблением и виртуальным нарциссизмом. Им не нужны стражи, чтобы загнать их в матрицу, они делают это сами, так же как сегодня делаем мы... Они стали похожи на крысу, непрерывно нажимающую педаль, стимулируя электрическим током покрывку четвертого желудочка, откуда импульсы попадают в прилежащее ядро, выделяющее допамин, под воздействием которого крыса испытывает вечное удовольствие.

Может, действительно отодвинуть в сторону такие проблемы, как воспитание детей, исследование космоса или защита окружающей среды, и отдаться вариациям на виртуальные темы?

* Теледильдоника (кибердильдоника) — технология, используемая для секса на расстоянии, в которой осязательные, температурные и прочие ощущения передаются между партнерами через двустороннюю линию связи. Термин был предложен Тедом Нельсоном в 1975 году. *Прим. ред.*

Наша зависимость от новой подлинности цифрового опыта — ощущение реальности вещей, заведомо бестелесных — наиболее отчетливо проявляется после отказа техники. Если в кафе пропадает доступ в интернет, то сидящие там блогеры начнут буквально задыхаться, как от нехватки кислорода.

Правда, такие несчастья случаются редко и длятся недолго, поэтому мы не успеваем всерьез оторваться от новой реальности. Реальность нашей цифровой жизни сильна. Подумаешь, какой-то незначительный сбой. Но насколько в действительности непобедима эта новая реальность, тонкая всемирная паутина?

В 1909 году Эдвард Форстер* опубликовал маленький умный рассказ «Машина останавливается», в котором описал, как рвется такая паутина. Будущее кажется Форстеру таким: люди живут под землей, в изолированных шестиугольных камерах, напоминающих соты огромного улья. Каждый из обитателей этих сот знаком с тысячами людей, но сама мысль вступить друг с другом в реальные взаимоотношения (прообраз социальных сетей) вызывает отвращение. Люди общаются между собой при помощи «тарелок» (можно сказать, «по “Скайпу”»). Общение происходит благодаря сложной системе, которую именуют машиной. Она развлекает людей и позволяет при помощи электронных средств контактировать друг с другом. Машина не передает «нюансы чувств и эмоций», но предлагает общее «идеальное представление о человеке», чего вполне хватает для «практических целей». Если «переговорные трубки» приносят слишком много сообщений (надо полагать, что это прообраз электронной почты), то человек может перевести трубку в режим изоляции. Правда, при повторном включении он получает множество тревожных сообщений. Идут годы, и люди все сильнее зависят от машины. В конце концов они даже начинают поклоняться ей, создают квазирелигию. Форстер называет это «бредом уступчивости».

* Эдвард Форстер (1879–1970) — английский романист и эссеист. Писал о неспособности людей из различных социальных (классовых, этнических) групп понять и принять друг друга. *Прим. ред.*

[122]

Людей предостерегают от приобретения подлинного чувственного опыта. «Первичных идей на самом деле не существует, — провозглашает один выдающийся философ. — Они всего лишь физические впечатления, произведенные любовью и страхом, но разве на таком фундаменте можно воздвигнуть настоящую философию? Пусть ваши идеи будут вторичными, а если возможно, то и более дальних порядков, ибо тогда они будут надежно удалены от вредной стихии непосредственного наблюдения». Но понятно, что добродетельная машина неизбежно ломается и вместе с ней рассыпаются стены келий подземного общества.

Писатель Джарон Ланье считает рассказ Форстера провозвестником надежды, фантазией, в которой человечество в итоге сбрасывает оковы (или насильно их лишается). «В конце рассказа, — пишет Ланье, — уцелевшие люди выбираются на поверхность и оказываются в подлинной реальности. “Солнце!” — восклицают они, пораженные сияющей красотой, которую они не могли себе даже вообразить».

Но Ланье выдает желаемое за действительное. Рассказ Форстера заканчивается отнюдь не так безоблачно. Жители подземного города так и не выбрались из капкана машины и не увидели солнце. Воздух над землей ядовит для них, и, когда машина погибает, герои Форстера, мельком увидев чистую синеву неба, оказываются погребенными заживо — на них обрушивается каменная крыша подземного мира. Откровения не случилось, люди погибли. Слова, произнесенные в финале, звучат совсем не так, как у Ланье. Вот они: «Человечество получило свой урок». Форстер описывает поворот назад от свершений, сделанных Гутенбергом. Распад и уничтожение будущего.

Наша собственная Машина тоже подверглась угрозе, хотя в то время мы куда меньше полагались на коммуникационные технологии. 1 сентября 1859 года солнечная буря, разыгравшаяся на поверхности нашего обычно спокойного светила, привела к гигантской вспышке, выбросившей в пространство поток частиц, летящих со скоростью семь миллионов километров в час. Вспышка Каррингтона (названная так, потому что первым ее увидел Ричард Каррингтон) вызвала появление северного сияния на широте Кубы. Согласно одному сообщению, сияние было

настолько мощным в Скалистых горах, что в час ночи разбудило шахтеров, решивших, будто наступило утро. Должно быть, эта вспышка произвела на людей потрясающее впечатление. Но этот единичный удар Солнца имел разрушительные последствия для едва оперившихся электрических систем нашей планеты. Некоторые телеграфные станции загорелись.

Пит Райли, ученый-прогнозист из Сан-Диего, в 2012 году опубликовал в журнале *Space Weather* статью, в которой утверждал, что шанс пережить подобную вспышку в течение следующего десятилетия составляет двенадцать процентов. То есть вероятность повреждения цифровых систем равна одной восьмой. Если даже такая вспышка случится нескоро, то все-таки рано или поздно она обязательно произойдет. В британской Королевской инженерной академии наук считают, что вероятность подобной вспышки в течение следующих двухсот лет составляет около девяноста пяти процентов. Подобное событие едва не произошло летом 2012 года, когда Солнце выбросило в пространство поток частиц, более мощный, чем вспышка Каррингтона. Этот поток пронесся над нашими головами, едва не задев космический корабль «Стерео». Если такой поток ударит по Земле, мы не сможем защититься от него ракетами, как от метеоров. Ни одна ракета не способна остановить призрачный поток частиц.

Но что, собственно говоря, произойдет в этом случае? Выйдут из строя электрические сети. На Землю упадут некоторые искусственные спутники. Пассажиры самолетов подвергнутся опасному, провоцирующему развитие рака излучению. Перестанет работать электронное оборудование. На несколько дней выйдет из строя система спутниковой навигации. Возможно, начнется сбой в работе мобильной телефонной связи. Атмосфера расширится, сместив спутники, движущиеся по низким околоземным орбитам. На несколько дней выйдет из строя спутниковая и высокочастотная связь (используемая в дальней авиации).

В последнее время я почему-то часто думаю о вспышке Каррингтона. (Это же такое удовольствие — думать о чем-нибудь страшном и ненормальном, сидя в подземке, и если пес Милтон ничего не натворил дома, то я переключаюсь на мысли о других наказаниях свыше.) Джозеф Вейценбаум, создатель «Элизы» (с которым мы познакомимся в главе 3), уже в середине

[124]

семидесятых годов заметил: компьютеры стали незаменимой частью человеческой жизни в качестве одного из важнейших инструментов. Если отнять у нас киборгов, то «большая часть нашего индустриального и милитаризованного мира испытает серьезные трудности, если вообще не погрузится в абсолютный хаос». Представляю себе картину: остановившийся транспорт и заглухшие системы связи, застывшие банки и государственные учреждения (которые в худшем случае начнут отдавать невыполнимые или опасные распоряжения). Могу вообразить, как перестанут работать холодильники и пропадут огромные запасы пищевых скоропортящихся продуктов. Прекратят работу линии электропередач. Откажут системы GPS, и военное руководство потеряет возможность руководить боевыми действиями. Группа ученых Центра исследований атмосферы и окружающей среды подсчитала, что подобное событие обойдется США в 2,6 триллиона долларов, а восстановительный период займет около десяти лет.

Один-единственный удар со стороны Солнца — самого подлинного объекта из всех нам известных — сможет сокрушить нашу фантастическую «машину». Такая перспектива заставляет вообразить момент, когда наша машина откажет окончательно (как в рассказе Форстера). Этот мысленный эксперимент очень поучителен, несмотря на всю свою мрачность.

Представьте себе момент, когда отключится ваш холодильник. В наступившей тишине вы тут же поймете, что до этого все время слышали его тихое жужжание. Вам казалось, что в доме тихо, а на самом деле вы были постоянно окружены механическими звуками. Теперь умножьте свои ощущения на их количество во всем мире. Подумайте, каким замерзшим, незащищенным, одиноким и встревоженным вы, возможно, станете. И все это в результате вашей персональной вспышки Каррингтона.

Удивительно: отлучение от реального мира происходило медленно и незаметно, но его возвращение будет внезапным, как удар молнии.

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

